

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ,

повествующая о том, какой разгром учинили два монаха во дворце царя драконов, и о том, как с помощью Эрлана и его братьев они расправились с нечистью и вернули похищенные драгоценности

Мы остановились на том, как правитель государства Цзи-сай и все его придворные высших и низших рангов увидели настоящее чудо: Великий Мудрец Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе, зацепившись за порыв ветра, умчались в облака, прихватив с собой двух оборотней. Это зрелище так изумило каждого из присутствовавших, что все они обратили свои взоры к небу и, совершая поклоны, восторженно восклицали:

— Правду, значит, говорят: оказывается, на самом деле существуют святые небожители и живые Будды!

Когда же, наконец, оба монаха исчезли вдали, правитель государства совершил поклон перед Сюань-цзаном и Ша-сэном, выражая свою благодарность.

— Вы со своими плотскими очами и бранным телом думали, что наш собрат поймал оборотней благодаря своей невероятной силе, — сказал Ша-сэн. — Где уж вам было разглядеть, что он небожитель, способный летать на облаках?!

Танский монах смущенно потупился:

— Но я, бедный монах, — произнес он, — сам не обладаю никакими чародействами и многим обязан моим трем спутникам-ученикам, владеющим тайнами разных волшебств.

— Не скрою от тебя, почтенный правитель, — вмешался Ша-сэн, — что наш старший ученик и есть тот самый Великий Мудрец, которого прозвали равным небу и который признал истинное учение Будды. Он в свое время учинил буйство в небесных чертогах и со своим волшебным посохом с золотыми обручами один противостоял стотысячному небесному войску — никто не мог справиться с ним. Он так разбушевался, что привел в смятение самого Лао-цзюня и вызвал сердечный трепет у Нефритового императора. Мой второй собрат и ученик нашего наставника Чжу Ба-цзе — повелитель зловещей звезды Тянь-пэн, также вступивший на путь Истины. Прежде он возглавлял восьмидесятитысячное водное войско небесной реки — Млечный Путь. Один лишь я не владею никакими особыми чарами. Не могу ничем похвастаться, кроме того что умею ловить и вязать бесов и оборотней, хватать разбойников и настигать беглецов. Могу также укрощать тигров и покорять драконов, умею пробивать пинком ноги колодцы в небе, кое-что смыслю и в том, как возмущать море и поворачивать вспять реки. О том же, как летать на облаках и туманах, вызывать дождь и ветер, менять расположение звезд, переносить горы и гонять луну, даже не стоит говорить — для меня это сущие пустяки!

Слушая все это, правитель государства все больше и больше изумлялся и, наконец, проникся к нашим путникам огромным уважением. Он предложил Танскому монаху занять почетное место и всякий раз, обращаясь к нему, величал его почтенным Буддой, а Ша-сэна и других учеников стал именовать бодисатвами. Все придворные чины, как гражданские, так и военные, были

преисполнены чувством великой радости. Народ совершал земные поклоны в честь Танского монаха и его спутников, но об этом мы рассказывать не будем.

Обратимся теперь к Великому Мудрецу Сунь У-куну и Чжу Ба-цзе, которые вместе с двумя оборотнями мигом домчались до озера Лазеревые волны на горе Каменный хаос.

Сунь У-кун придержал облако, на котором они летели, дунул на свой волшебный посох и произнес одно только слово: «Изменись!» И вместо посоха в руках у него сразу же оказался острый монашеский нож. Он отхватил им ухо у угря и нижнюю губу у сома, а затем сбросил обоих в воду.

— Живей отправляйтесь к своему повелителю, царю драконов Вань-шэну, — крикнул Сунь У-кун вдогонку, — и доложите ему, что я, Великий Мудрец, равный небу, Сунь У-кун, прибыл сюда и требую, чтоб он немедленно отдал мне все сокровища пагоды Золотое сияние, находящейся в государстве Цзисай. Этим он спасет жизнь себе и всем своим домочадцам! Если же он вздумает вымолвить хоть половину слова «нет», я выплесну всю воду из этого озера, а его со всеми сородичами, старыми и малыми, предам лютой казни!

Оборотни, получив свободу, пустились в бегство, преодолевая боль. Они с шумом погрузились в воду, переполошив остальных оборотней: тритонов, крокодилов, жестких и мягких черепах, осьминогов, крабов и рыб, обитающих в озере, которые собрались толпой и наперебой расспрашивали, что случилось.

— Отчего это на вас болтаются обрывки проволоки? — спросил кто-то.

Вместо ответа один оборотень мотал лишь головой и с досады бил хвостом, прикрывая плавником обрезанное ухо, а второй, закрывая обрезанную губу, колотил себя в грудь и махал хвостом, видимо, подражая людям, когда они топают ногами от досады. Вместе с расшумевшейся толпой оборотни направились прямо ко дворцу царя драконов и доложили ему:

— О великий царь, беда пришла!

А царь в это время как раз распивал вино со своим зятем Девятиголовым. Увидев оборотней, они спешно отодвинули чарки и стали спрашивать, какая случилась беда.

Оборотни сразу подробно обо всем рассказали:

— Вчера ночью, когда мы были в дозоре, нас изловили Танский монах со своим учеником Сунь У-куном. Они явились чистить пагоду. Нас привязали проволокой, а сегодня утром притащили к правителю государства на допрос, после чего Сунь У-кун и другой ученик — Чжу Ба-цзе — схватили нас, у него обрезали ухо, а у меня — нижнюю губу, и бросили в озеро, приказав явиться к тебе и сказать, чтобы ты вернул все сокровища пагоды!

Услышав имя Сунь У-куна, Великого Мудреца, равного небу, царь драконов так перепугался, что у него, как говорится, душа едва не выскочила из тела, а дух готов был умчаться за девятое небо. Трясаясь от страха, он обратился к своему зятю:

— Ну, дорогой мой зять! Дело — дрянь! Будь кто другой на его месте — мы с тобой еще как-нибудь справились бы, а с этим... если только в самом деле это он — нам не сладить!

Но Девятиголовый надменно рассмеялся:

— Не беспокойся, дорогой тесть! Я с детства обучен военному искусству и кое-что смыслю в нем. Во всех уголках страны, омываемой четырьмя морями, мне приходилось не раз встречаться в бою с прославленными удалцами. Чего нам бояться? Вот я сейчас выйду и если за три схватки не заставляю его покориться, то не посмею больше предстать перед тобой.

Он быстро облачился в военные доспехи и вооружился серпообразной секирой. Выйдя из дворца, он вынырнул из пучин озера и, показавшись на его поверхности, громко крикнул:

— Кто посмел называть себя Великим Мудрецом, равным небу? Ну-ка, прощайся с жизнью и выходи сюда!

Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе, стоя на берегу озера, разглядывали появившегося из воды беса-оборотня.

Словно снег на вершине,

Блестит его шлем серебром,

Словно искристый иней,

Сверкает кольчуга на нем.

Для похода удобен

Халат, что на плечи надет,

Светлой яшме подобный,

Всегда излучает он свет.

Опояска цветная

На нем замыкает свой круг —

Так змея оплетает

Огромного дерева сук.

С ясным месяцем схожа

Секира в могучих руках —
Всех сокровищ дороже
Оружье, несущее страх!
Если издали глянешь —
Увидишь: он странен и дик,
А рассматривать станешь
Его удивительный лик,
То в смятенье великом
От ужаса, верно, замрешь:
С человеческим ликом
Тот образ зловеций несхож!
Многоок он и зорок,
А взгляд его черен и пуст...
Всех врагов переспорит:
Ведь рот его — девятиуст!
Как во лбу и в затылке
Раскроет он злые глаза,
С многоустой ухмылкой
Завоет на все голоса —
Так река замутится
И дрогнет встревоженный лес,
Легкокрылые птицы
Взовьются до самых небес!

Бес-оборотень выждал некоторое время и, не дождавшись ответа, крикнул еще раз:

— Кто здесь Великий Мудрец, равный небу?

Сунь У-кун провел рукой по золотым обручам своего посоха, погладил его, а затем ответил:

— Великий Мудрец Сунь У-кун это я!

— Ты откуда взялся? — насмешливо спросил бес-оборотень. — Где живешь и как очутился в государстве Цзисай? Почему правитель поручил тебе охранять свою пагоду? По какому праву ты позволил себе схватить и изувечить двух старшин из моего войска и, мало того, посмел явиться сюда, на мою драгоценную гору и угрожать мне?

— Ах ты, разбойник! — выругался Сунь У-кун. — Видно, не узнаешь меня, своего отца, Сунь У-куна?!

— Подойди-ка сюда и послушай, что я тебе скажу. — И Великий Мудрец рассказал в стихах всю историю своей жизни:

Я на горе Хуагошань воспитан,
В пещере Шуйлянунской обучен,
Во многих битвах и боях испытан
И в тайные науки посвящен.
Не знающий ушибов и ранений,
Ударов и телесных повреждений,
Великий и прославленный Мудрец,
Что равен небесам в познаниях и в свершеньях,
Так названный по высшему велению,
Я — дед детей твоих и твой отец!
Тот самый досточтимый Сунь У-кун,
Что буйство учинил в чертогах Доунюгун,
Что устроил небесных полководцев,
Что одолел их доблестную рать,
И с Буддой вознамерился бороться,
Пытаясь дерзновенно доказать
Величие свое и превосходство!
Да, я и есть тот самый Сунь У-кун,
Которого великий Татагата

Своей десницею поверг когда-то,
Горой тяжелой сверху придавил
И, покарав его как супостата,
Свободы и могущества лишил.
И если бы не мудрый бодисатва,
Не выбраться бы мне до сей поры
Из-под давящей на меня горы.
Тем временем почтенный Сюань-цзан
Отправился в Линшань, обитель Будды,
Чтоб книги принести священные оттуда.
Пройти он должен был немало стран,
Подвергнуться опасностям немалым.
И для того, чтобы не пострадал он,
Я в спутники достойному был дан.
Я ограждал его от бедствий разных,
Я козни дьявольские разрушал,
Я дьяволов в сраженьях сокрушал,
Уничтожал источники соблазнов,
И подвиги иные совершал.
На Запад двигаясь, пришли мы в край,
Носящий имя звучное Цзисай,
Где ждали помощи и избавленья
Монахи трех различных поколений,
Живущие в тревоге и в томленьи,
Из-за того что их чудесный храм
Свое утратил дивное сиянье
И сумрак скорби воцарился там.
Монахов тех безвинные страданья

Внушили нам приязнь и состраданье.
Помочь решил им мой наставник сам
И навести в их пагоде порядок,
Чтоб вновь могли они в ней совершать обряды.
Нам было с ним дано постичь случайно
Бесовской силы пагубную тайну,
Двух бесов-оборотней в пагоде поймать
И имя дерзновенного узнать,
Проникшего в святилище, как тать,
Лишившего чудесный храм сиянья,
Затем, чтобы сокровище там взять.
Тот гнусный вор, поправший все законы,
Ты — зять могучего царя драконов,
Преступник ты, тебе помог твой тесть
На пагоду низвергнуть дождь кровавый,
Чтоб вы могли в святилище пролезть,
Лишить его неугасимой славы.
Вы — похитители сокровищ древних,
Их преподнес ты в дар своей царевне!
За это вызываю вас на бой:
Так приказал цзисяйский мне правитель;
Так выходи ж померяться со мной,
Ты — храма недостойный осквернитель!
Спешу, чтобы с тобой разделаться я мог,
Мой незаконнорожденный сынок!
Отдашь добром все то, что сам похитил,
И все, что уволок жены твоей родитель, —
Вам всем я, жизнь согласен сохранить,

Не то все озеро я ваше расплескаю,

По камешку всю гору разметаю

И разорю бесовскую обитель:

Как порешил я,— так тому и быть!

Зять царя драконов выслушал Сунь У-куна и с холодной усмешкой произнес:

— Так, так, так! Значит, ты идешь за священными книгами? Зачем же тебе понадобилось соваться в чужие дела без всяких к тому причин! Пусть даже я украл сокровище пагоды, тебе-то что? Ты ведь идешь за священными книгами! Ну и иди!

— Э, да я вижу, этот негодяй и грабитель понятия не имеет о справедливости! По-твоему выходит, что раз я не получал милостей от повелителя той страны и не ел его хлеба, значит, мне не следует помогать ему и оказывать услуги; но можешь ли ты понять, что в течение нескольких лет невинно страдают монахи монастыря Золотое сияние, которые приходится мне братьями, и причиной их страданий являетесь вы со своим тестем, так как похитили сокровища их пагоды и осквернили ее. Как же могу я не вступить за них и не снять с них напраслины?

— Ну, в таком случае нам придется померяться силами. Пословица гласит: «Когда воюют — не остается места для жалости», а потому не обижайся, если я буду беспощаден! Смотри, распрощаешься с жизнью, и не придется увидеть священных книг!

Эти слова привели Сунь У-куна в ярость, и он осыпал оборотня ругательствами:

— Подлый разбойник, оборотень! — запальчиво воскликнул он. — Какими же ты обладаешь силами, что смеешь так говорить со мной? Подойди поближе и отведай посох твоего отца!

Но оборотень ничуть не испугался, отбил секирой удар, и вот на горе Каменный хаос разгорелся бой. Это было лютое побоище. В память о нем сложены такие стихи:

Ограбив пагоду, лишив ее сиянья,

Те оборотни заслужили наказанья

За святотатство, дерзость и разбой.

Разгневан был правитель государства,

Узнав про их злодейство и коварство,

И царь драконов утратил свой покой,

Когда, дрожа, ему признались бесы,

Что Сунь У-куну шашни их известны
И что грозит им небывалый бой.
Царю драконов это не по нраву;
Он созывает всю свою ораву
И держит с нею горестный совет,
Сражаться им с противником иль нет?
Однако зять его девятиглавый
Уже в доспехи новые одет:
Неосторожный рвется в бой кровавый!
Весьма самонадеян бес лукавый,
Грозя достойному сопернику расправой:
Самонадеянность — источник многих бед,
Когда не служит истине и праву;
Велик и страшен Сунь У-куна гнев:
О благе храма древнего радея,
Искусно славным посохом владея,
На беса он бросается, как лев,
Стремясь жестоко поразить злодея.
Но тот, в искусстве бранном преуспев,
Своей секирой верною гордится,
И сам торопится с врагом сразиться,
И нападает сам, рассвирепев
Он сыплет дерзновенными речами
Из восемнадцати разверзтых губ,
Своими восемнадцатью очами
Пронзает, словно острыми мечами —
Глаза его страшны, а голос груб.
У Сунь У-куна руки, что железо —

Не меньше тысячи, пожалуй, цзиней весом, —
Их озаряет благодатный луч,
Чтобы помочь ему в сраженьи с бесом;
Однако тот и ловок и могуч!
Секира с посохом взлетают быстро,
И, опускаясь, порождают искры,
Сверкают, словно молнии из туч.
«В чужую ссору лезешь, ты, безумный! —
Кричит в сердцах противник Сунь У-куна, —
Зачем суешь в чужое дело нос?».
«А ты зачем сокровища унес
Из пагоды чужой, скажи на милость?
Быть может, для тебя они хранились?
Что мне ответишь ты на мой вопрос? —
Мудрец ему кричит с великой злобой: —
Верните все, что вы украли оба,
И ты и твой звероподобный тесть,
Иль вам обоим головы не снести!».
Шум поединка слышен повсеместно —
В широком поле и в ущелье тесном,
В глуши лесов и в тишине небес.
Сражаются враги, но неизвестно,
Кто — Сунь У-кун или оборотень бес —
Получит в этой битве перевес.

Более тридцати раз схватывались противники, но так и нельзя было сказать, кто победит. Чжу Ба-цзе стоял у подножья горы и наблюдал за боем. Наконец он решил, что бой в самом разгаре, поднял свои грабли и стал подкрадываться, чтобы нанести оборотню удар в спину. Но, как вы знаете, читатель, у беса было девять голов и девять пар глаз. Заметив, что Чжу Ба-цзе подкрадывается сзади и готовится нанести удар граблями, он сразу же отбил грабли концом секиры, в то же время лезвием отразив удар посоха. Прошло еще не то пять, не то семь

ожесточенных схваток, но тут бес почувствовал, что ему не устоять перед двумя противниками. Он перекувырнулся, подскочил и сразу же принял свой настоящий облик, превратившись в страшную гидру с девятью головами.

Увидев такое чудовище, можно было умереть со страху!

Вы только послушайте!

Покров на ней из ярких, пестрых перьев,

Подбитых снизу легким пухом белым,

На лапах когти остры, как у зверя,

И как из глыбы высечено тело

В длину она с морскую черепаху,

А поперек, пожалуй, в три обхвата;

Крыла у ней — огромного размаха,

И девять глав на шее волосатой.

Чудесный гриф, что прочих птиц сильнее,

И с каждой из них готов сразиться,

Остерегается встречаться с нею,

От зорких глаз ее спешит укрыться.

Их леденящий взгляд и дик и злобен,

И голос зычен и громоподобен.

— Брат! — вскричал Чжу Ба-цзе, напуганный страшным видом оборотня в образе летающей гидры, — с тех пор как я принял облик человека, я еще не видывал такого страшилища. От кого могла народиться этакая гадина, не то зверь, не то птица?

— Да, действительно редко встретишь нечто подобное, — отвечал Сунь У-кун. — Очень редко, это верно. погоди, я все же попробую одолеть его.

Ну и молодец Сунь У-кун! Он поспешно вскочил на благодатное облако и начал колотить посохом по всем девяти головам гидры. Чудовище сразу же проявило свое могущество. Оно расправило крылья, со свистом перевернулось и камнем упало к подножью горы, где стоял Чжу Ба-цзе. Из туловища у него внезапно появилась еще одна голова, раскрылась жуткая пасть, похожая на кровавую чашу, острые зубы ухватили Чжу Ба-цзе за загривок. Чудовище поволокло его к озеру Лазоревые волны и погрузилось с ним на дно. Достигнув ворот дворца

царя драконов, чудовище вновь приняло прежний свой облик. Бросив полумертвого Чжу Ба-цзе на землю, Девятиголовый громко крикнул:

— Эй, слуги! Куда это вы запропастились?

На крик со всех сторон кинулись к Девятиголовому оборотни разных рыб и крокодилов. Тут были голавли, белорыбица, карпы и окуни, черепахи с жестким и мягким панцирем, крокодилы и тритоны.

— Мы здесь! — разом отозвались они.

— Возьмите этого монаха, — приказал Девятиголовый, — да покрепче свяжите. Он мне ответит за моих старшин!

Оборотни взялись за Чжу Ба-цзе и общими усилиями, с криком и пыхтением потащили его. В это время старый царь драконов вышел на крики и очень обрадовался, увидев пленника.

— Как же это тебе удалось изловить этакую скотину? — спросил царь, обращаясь к своему зятю. - Ты совершил великий подвиг!

Девятиголовый рассказал, как было дело, о чем мы уже знаем. Царь драконов на радостях велел тотчас же устроить пир, чтобы поздравить зятя с успехом, но мы не будем рассказывать о том, как они распивали вино.

Обратимся к Великому Мудрецу Сунь У-куну. Когда он увидел, как оборотень схватил Чжу Ба-цзе, у него сердце сжалось от страха.

«Ну и лихой же этот дьявол! — подумал Сунь У-кун. — Мне теперь стыдно возвращаться к наставнику, ведь правитель государства Цзисай засмеет меня... А если я вызову оборотня на единоборство, то, пожалуй, не справлюсь с ним. К тому же у меня и сноровки нет воевать в воде. Дай-ка я приму другой вид, проникну во дворец царя драконов и посмотрю, что случилось с Чжу Ба-цзе. Может, мне удастся освободить его, тогда он поможет мне».

Ну и Мудрец! Прищелкнув пальцами и прочитав заклинание, он встряхнулся, превратился в краба и, бултыхнувшись в воду, очутился перед триумфальными воротами дворца. Дорога во дворец была ему хорошо знакома, так как он уже был здесь в тот раз, когда увел черепаху с золотистыми глазами, принадлежавшую Князю с головой быка. Добравшись до входа во дворец, он бочком перелез через порог и увидел старого царя драконов, который весело распивал вино со своим зятем. Однако Сунь У-кун не посмел приблизиться к ним и пополз под восточную галерею, где увидел нескольких оборотней-крабов, игравших в какую-то игру. Сунь У-кун стал прислушиваться к их разговору, а затем, усвоив их язык, спросил:

— Послушайте! Не знаете ли вы, что с тем длиннорылым монахом, которого изловил царский

зять? Сдох он?

— Пока еще не сдох! — хором ответили крабы-оборотни. — Не слышишь разве, как он стонет там на привязи, у западной галереи?

Узнав таким образом, где находится Чжу Ба-цзе, Сунь У-кун незаметно перебрался к западной галерее и там действительно увидел Дурня, привязанного к столбу и издававшего протяжные стоны. Сунь У-кун подполз к нему поближе и спросил:

— Узнаешь меня, Чжу Ба-цзе?

Чжу Ба-цзе по голосу узнал Сунь У-куна и стал жаловаться:

— Брат! Как же это я попался в лапы этому негодяю-оборотню, вместо того чтобы самому изловить его!

Сунь У-кун оглянулся вокруг и, убедившись, что поблизости никого нет, быстро перекусил клешнями путы, освободил Чжу Ба-цзе и велел ему бежать.

— А как быть с граблями? — спросил Чжу Ба-цзе, расправляя затекшие руки. — Оборотень отнял их у меня!

— Может, ты знаешь, где они спрятаны?

— Должно быть, во дворце, — отвечал Чжу Ба-цзе.

— Ступай к триумфальным воротам и жди меня снаружи, — приказал Сунь У-кун.

Чжу Ба-цзе, спасая свою жизнь, быстро улизнул, осторожно ступая на цыпочках. Между тем Сунь У-кун снова пополз во дворец и, озираясь по сторонам, заметил слева от себя яркий свет. Это грабли Чжу Ба-цзе излучали сияние. Сунь У-кун превратился в невидимку, выкрал грабли, выполз с ними за ворота и окликнул Чжу Ба-цзе.

— Забирай свое оружие! — сказал он торжествующе.

— Брат! — воскликнул обрадованный Чжу Ба-цзе, — ты уходи отсюда, а я ворвусь во дворец. Если мне удастся одолеть оборотня, я захвачу всех остальных, если же нет — я брошусь бежать, а ты на берегу озера жди меня и выручай!

Сунь У-кун охотно согласился, только велел Чжу Ба-цзе быть осторожней, но Дурень перебил его.

—Я не боюсь! — сказал он. — А как драться в воде, учить меня не надо. Кое-что я смыслю в этом. — Тут они и расстались.

Сунь У-кун выплыл на поверхность воды. И здесь мы пока оставим его.

Тем временем Чжу Ба-цзе подобрал халат, взял грабли обеими руками и ринулся во дворец с воинственными криками. Обитатели озера, как большие, так и малые, в страхе начали метаться в разные стороны, некоторые кинулись во дворец с воплями:

— Беда пришла! Длиннорылый монах освободился от веревок и идет на нас!

Старый дракон, его зять и домочадцы растерялись и даже подпрыгнули от неожиданности. Все бросились прятаться кто куда. Дурень, не щадя своей жизни, ворвался во дворец и начал крошить все, что попадалось ему на пути: двери, столы, стулья, посуду. Об этом даже рассказывается в стихах:

Могучий Чжу Ба-цзе впросак попался,

И, если б не смысленый Сунь У-кун,

Не на одну, быть может, сотню лун

Несчастный боров бы в плену остался.

Но Сунь У-кун его от пут избавил,

И тем ему возможность предоставил

Досаду, гнев и силу проявить.

Дракон-старик не знает, как тут быть,

От страха у него язык отнялся;

Не меньше зять его перепугался

И поспешил с супругою своей

От мести борова укрыться поскорей.

В припадке бьются младшие драконы,

Иные мечутся, что в клетке звери,

Слышны повсюду крики, вопли, стоны,

Разбиты окна, высажены двери,

Поломаны запоры и заслоны...

Чжу Ба-цзе до того разошелся, что разбил вдребезги черепаховый щит перед главным входом во дворец, а коралловое дерево вырвал с корнем и швырнул с такой силой, что оно разлетелось на мелкие кусочки.

Между тем Девятиголовый спрятал царевну в тайниках дворца, после чего вооружился своей серповидной секирой с лезвием, подобным серпу луны, и помчался ко входу во дворец.

— Эй, ты! гнусное животное, свинья тупорылая! — кричал он. — Как ты посмел встревожить всех моих родственников?

Чжу Ба-цзе в ответ обрушил на него потоки брани.

— Я тебе покажу, мерзавец этакий! — кричал он. — Скажи на милость! Меня, Чжу Ба-цзе, посмел изловить! Что же, пеняй на себя, ты сам затащил меня к себе, я не напрашивался... Возвращай живей все, что награл. Я доставлю сокровища правителю государства Цзисай. На этом и покончим, не то я никого из вас не пощажу!

Девятиголовый не мог принять этого условия. Стиснув зубы, он ринулся на Чжу Ба-цзе и скрестил с ним оружие.

Только сейчас старый дракон пришел в себя. Он собрал своих сыновей и внуков, все они вооружились мечами и разом бросились на Чжу Ба-цзе, стремясь схватить его. Чжу Ба-цзе понял, что дело плохо. Он помахал граблями, словно собираясь продолжать бой, а сам отпрянул от своих врагов и бросился наутек. Старый дракон кинулся вдогонку со всей своей сворой. Они мигом погрузились в воду и вскоре, кувыркаясь, показались на поверхности озера.

Обратимся теперь к Сунь У-куну. Он долго стоял на берегу и ждал. Вдруг он увидел водяных оборотней, гнавшихся за Чжу Ба-цзе. Как только они вышли из воды и поднялись на воздух, Сунь У-кун грозно вскричал:

— Стойте! Ни с места!

Одним ударом своего железного посоха он размозжил череп старому дракону.

Воды озера Лазоревые волны окрасились кровью дракона, и бездыханное тело его понеслось по волнам, теряя чешую. Сыновья и внуки дракона с перепугу разбежались в разные стороны, а Девятиголовый забрал тело тестя и отправился с ним обратно во дворец.

Однако Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе не погнались за ним. Они расположились на берегу, и Чжу Ба-цзе принялся рассказывать, что произошло.

— Теперь у этого негодяя спеси поубавится! — сказал Чжу Ба-цзе. — Во дворце я не оставил камня на камне. Все там перевернул вверх дном и на всех нагнал страх. Но как только я

вступил в бой с зятем дракона, откуда ни возьмись, появился старый дракон, который накинулся на меня, а затем погнался за мною. Спасибо, что ты его уколол. Теперь все эти бесы убрались к себе и наверняка будут оплакивать и хоронить своего царя и, конечно, не покажутся больше. К тому же время позднее, и я не знаю, как быть!..

— Что значит время позднее? — насмешливо спросил Сунь У-кун. — Нельзя упускать такого удобного случая. Отправляйся на дно озера и пробейся во дворец. Надо во что бы то ни стало добыть сокровища: без них мы не можем возвратиться.

Однако Дурень медлил, видимо, не желая соглашаться.

Сунь У-кун стал торопить его:

— Брат, брось раздумывать, — сказал он, — чего ты сомневаешься? Ты только вымани его, а уж я с ним разделаюсь.

Пока они судили да рядили, вдруг завыл ветер, кругом все потемнело и показалась мрачная туча, летящая с востока прямо на юг. Сунь У-кун стал пристально вглядываться в нее и увидел премудрого праведника Эрлана с шестью братьями с горы Мэй-шань, которые с острыми клинками в руках и арбалетами за спиной, изогнувшись под тяжестью добычи, состоящей из серн и лосей, а также лисиц и зайцев, радостно возвращались с попутным ветром с охоты с собаками и соколами.

— Чжу Ба-цзе! — воскликнул Сунь У-кун. — Да ведь это мои дорогие братья! Вот бы хорошо задержать их сейчас и попросить помощи, чтобы сразить Девятиголового. Какой прекрасный случай нам представился! Теперь мы сможем добиться успеха в порученном нам деле!

— Раз они приходятся тебе братьями, то, конечно, не откажут в помощи, — отозвался Чжу Ба-цзе.

— Да, но видишь ли в чем дело, — в замешательстве произнес Сунь У-кун, — среди них находится старший брат, которого называют премудрым Эрланом. Когда-то он привел меня в покорность, и мне неудобно обращаться к нему за помощью. Уж лучше ты удержи их облако и обратись к нему с такими словами: «Праведный государь! Задержишь немного. Мудрец, равный небу, Сунь У-кун находится здесь и желает поклониться тебе!» Я уверен, что, услышав обо мне, он остановится. Тогда я и явлюсь к нему. Так будет гораздо удобнее.

Чжу Ба-цзе тотчас взлетел на облаке и, поднявшись на вершину горы, преградил путь приближавшейся туче.

— Праведный государь! — закричал он изо всех сил, — задержишь немного. Мудрец, равный небу, Сунь У-кун находится здесь и желает поклониться тебе.

Старший из семи братьев услышал эти слова и тотчас велел шестерым младшим остановиться. Совершив церемонию приветствия, положенную при встрече с незнакомцем, Эрлан спросил:

— Скажите, пожалуйста, где же находится Великий Мудрец, равный небу?

— У подножья этой горы, — отвечал Чжу Ба-цзе. — Он ждет, когда вы его позовете.

— Братья мои, — молвил Эрлан, обращаясь к шестерым спутникам, — скорей, пригласите его сюда!

Шестерых братьев звали: Кан, Чжан, Яо, Ли, Го и Чжи. Выступив вперед, они стали громко кричать: «Старший брат Сунь У-кун! Тебя приглашает премудрый Эрлан!».

Сунь У-кун пошел братьям навстречу, вежливо поклонился каждому из них и направился вместе с ними на гору, где расположился Эрлан.

Премудрый Эрлан, завидев Сунь У-куна, поднялся с места, пошел к нему навстречу, взял его за руки и, обняв, сказал:

— Дорогой мой Великий Мудрец! Поздравляю тебя! Сердечно поздравляю! Ты избавился от тяжелой кары, принял учение Будды и стал подвижником-шраманом. В скором времени ты завершишь свой великий подвиг и взойдешь на лотосовый трон.

— Что ты, что ты! — смущенно ответил Сунь У-кун. — В свое время я удостоился от тебя великой милости, и мне совестно, что до сих пор еще не отблагодарил тебя! Я, правда, избавился от тяжелой кары и совершаю путь на Запад, но еще далеко не уверен в благополучном его завершении. Вот и сейчас на нашем пути встретилось государство Цзисай, и мы обещали спасти невинно пострадавших монахов. Поэтому я и нахожусь здесь. Я должен изловить злого оборотня и отнять у него сокровища пагоды, которые он похитил у этих монахов. Заметив тебя с братьями, я осмелился задержать вас немного и просить помочь мне справиться с этим оборотнем. Прости, что сразу изложил тебе свою просьбу, не осведомившись, откуда ты направляешься и сможешь ли проявить ко мне дружеские чувства любви.

Премудрый Эрлан при этих словах любезно улыбнулся.

— Мне нечего делать, и я не знаю, как убить время, — сказал он. — Мы с братьями возвращаемся сейчас с охоты, и я очень рад, что ты задержал меня, вспомнив о нашей старой дружбе. Ты только скажи, какого оборотня надо изловить. Разве мы по-смейем отказаться? Интересно знать, что за разбойник поселился в этих местах.

Тут в разговор вмешались младшие братья Эрлана. Один из них сказал:

— Брат! Неужто ты забыл? Да ведь это гора Каменный хаос. Здесь же находится озеро Лазоревые волны, а в нем — дворец царя драконов, по прозвищу Вань-шэн.

— Да разве царь драконов позволит себе заниматься такими делами? — изумился Эрлан. — Неужто это он посмел обворовать священную пагоду?

— Дело в том, что он недавно взял себе в дом зятя по прозвищу Девятиголовый, который является оборотнем гидры с девятью головами, — сказал Сунь У-кун. — Грабеж они совершили вместе, а до этого послали на столицу государства Цзисай кровавый дождь. Им удалось похитить из пагоды монастыря Золотое сияние пепел Будды, который хранился в ней. Правитель государства, не разобравшись в этом деле, заподозрил монахов и стал истязать их. Мой наставник пожалел несчастных собратьев и ночью отправился чистить пагоду. Я пошел вместе с ним, и мне удалось на самом верхнем ярусе изловить двух оборотней. Оказалось, что их выслал в дозор царь драконов. Сегодня утром они были доставлены под конвоем во дворец и там чистосердечно во всем признались. Тогда правитель государства Цзисай обратился к моему наставнику с просьбой изловить главного оборотня и привести его в покорность, а наставник велел нам обоим, — он указал на Чжу Ба-цзе, — выполнить это дело. Вот мы и прибыли сюда. В первом же сражении у Девятиголового появилась еще одна голова. Ею-то он утащил моего собрата Чжу Ба-цзе. Тогда я превратился в краба, полез в воду и освободил его. Только что мы снова вступили в бой и мне удалось убить царя драконов. Сопровождавшие его бесы и оборотни уволокли его тело на дно озера и, видимо, оплакивают его там. И вот, когда мы думали, как поступить дальше, мы увидели тебя с твоей свитой.

— Раз старый дракон убит, сейчас очень удобно разделаться с Девятиголовым, — сказал Эрлан. — Бесы, лишившись главаря, растеряются, и нам ничто не помешает разнести все их логово!

— Это, конечно, верно, — отозвался Чжу Ба-цзе, — но ведь уже поздно, как быть?

— В книгах древних стратегов есть такой совет: «Для похода всякое время хорошо!» Чего же бояться? — задорно ответил Эрлан.

Но четыре брата Эрлана: Кан, Яо, Го и Чжи, поддержали Чжу Ба-цзе.

— Брат, — молвили они, обращаясь к Эрлану, — не торопись. Ведь вся эта шайка бесов и оборотней находится здесь в озере, бежать им некуда. Для нас Сунь У-кун — желанный гость, а его брат Чжу, по прозвищу Жесткая щетина, уже вступил на истинный путь. Мы взяли с собой вино и еду. Вели слугам развести огонь, и мы тут же устроим пир на славу! Во-первых, мы отпразднуем радостную встречу с двумя уважаемыми монахами, во-вторых, поговорим по душам. Давайте попируем эту ночь. А завтра на рассвете успеем вызвать этого оборотня на смертный бой! Не так ли?

Эрлан не стал возражать.

— Просвещенные братья мои совершенно правы, — весело сказал он и тут же дал распоряжение приготовить угощения.

— Я, конечно, не смею отказываться, — сказал Сунь У-кун, — но с тех пор, как принял монашество, строго соблюдаю пост и считаю, что не должен вкушать скоромного.

— У нас есть фрукты, да и вино тоже не хмельное, — смеясь, сказал Эрлан.

Шестеро братьев при свете луны и звезд быстро разостлали циновки, и вскоре вся компания, то и дело поднимая чарки с вином, стала весело пировать, вспоминая о былых делах. Не зря говорит пословица: «В тоскливом одиночестве долго длятся часы ночной стражи, а в часы веселой пирушки и ночь коротка».

Наши друзья долго веселились и не заметили, как заалел восток.

Наконец Чжу Ба-цзе, который изрядно хватил вина, воскликнул:

— Ну, вот уже и светает! Пора мне лезть в воду и вызывать оборотня на бой.

— Будь осторожен, — предупредил его Эрлан. — Ты только раздражи его и замани сюда, чтобы нам было удобнее всем вместе взяться за него.

— Знаю, знаю! — засмеялся Чжу Ба-цзе.

Посмотрели бы вы, читатель, как ловко он подоткнул одежду, прикрепил грабли и нырнул, рассекая воду. Очутившись на дне озера, он направился прямо к триумфальной арке и, испустив громкий крик, с боем ворвался во дворец.

Тем временем сыновья дракона в траурных одеждах рыдали у тела своего повелителя. Внуки дракона вместе с его зятем в заднем помещении дворца делали гроб.

Наш Чжу Ба-цзе с ругательствами ворвался в палаты и изо всех сил хватил граблями по голове царского сына, проломив ему череп сразу в девяти местах. Жена дракона со всей челядью в страхе забилась во внутренние покои и завопила истошным голосом.

— О небо! Длиннорылый монах только что убил моего сына!

Девятиголовый, услышав эти вопли, тотчас вооружился своею серповидной секирой и вместе с внуками дракона поспешил на помощь. Чжу Ба-цзе встретил противников граблями и, ведя с ними бой, начал пятиться к выходу, а затем выскочил из воды. На берегу озера его встретили Великий Мудрец Сунь У-кун и семь премудрых братьев-праведников. Они все разом набросились на внуков дракона, искромсали их на мелкие куски и превратили в кровавое месиво. Видя, что дело плохо, Девятиголовый перекувырнулся у пригорка и сразу же принял свой первоначальный вид. Расправив крылья, он взлетел на воздух и стал кружить над врагами. Эрлан спокойно достал свой золотой самострел, наложил серебряную стрелу и, натянув лук до отказа, стал стрелять в девятиголовое чудовище. Чудовище, сложив крылья, ринулось вниз,

намереваясь укусить Эрлана. У него снова появилась еще одна страшная голова. Но старшая охотничья собака миготом кинулась на нее и разом откусила. Хлынули потоки крови. Превозмогая ужасную боль, чудовище бросилось бежать в сторону Северного моря и погрузилось в волны. Чжу Ба-цзе хотел было помчаться вдогонку, но Сунь У-кун остановил его.

— Не надо, — сказал он. — Ты же знаешь пословицу: «Не преследуй разбойника, доведенного до крайности!» Вряд ли он теперь выживет, раз собака откусила ему голову. Ты лучше проложи мне дорогу в воде, а я приму его облик и проникну во дворец царя драконов, чтобы выманить у царевны похищенные сокровища!

Эрлан и шестеро его премудрых братьев поддержали Сунь У-куна, однако добавили:

— Ну, что же! Не будем преследовать чудовище. Только знайте, что если он выживет, то причинит немало бед грядущим поколениям!

И действительно, по сей день еще существуют кровоточащие девятиголовые гидры. Это и есть потомки того чудовища, о котором мы вам рассказали.

Чжу Ба-цзе послушался Сунь У-куна и стал прокладывать ему дорогу, разрезая воды озера. Превратившись в Девятиголового, Сунь У-кун первым вбежал во дворец, а Чжу Ба-цзе, делая вид, что гонится за ним, с криками бежал сзади. Когда они приблизились ко дворцу, царевна громко воскликнула:

— Дорогой муженек! Что же ты в таком смятении?

— Меня одолел Чжу Ба-цзе, — отвечал Сунь У-кун. — Он гонится за мною по пятам, а я чувствую, что не могу справиться с ним. Надо скорей спрятать сокровища.

Царевна впопыхах даже не разглядела, настоящий ли муж явился к ней. Она поспешно вынесла из заднего помещения золотой ларец и, передавая его Сунь У-куну, сказала:

— Вот пепел Будды!

Затем она вынесла ларец из белой яшмы и сказала:

— А здесь растение Линчжи с девятью листьями. Ты спрячь их, а я пока схвачусь с этим Чжу Ба-цзе и задержу его, — продолжала царевна, — потом ты придешь мне на помощь.

Сунь У-кун забрал оба ларца и, проведя рукой по лицу, принял свой настоящий вид.

— Ну-ка, царевна, погляди на меня! — крикнул он. — Похож я на твоего муженька?

Царевна опешила и хотела вырвать ларцы у Сунь У-куна, но тут подоспел Чжу Ба-цзе и так хватил ее по плечу своими граблями, что она как сноп свалилась на землю.

Оставшаяся в живых царица хотела незаметно улизнуть, но Чжу Ба-цзе замахнулся на нее граблями.

— Стой! — закричал Сунь У-кун. — Не убивай! Пусть остается в живых. Мы ее возьмем с собой, и она расскажет правителю государства Цзисай о наших подвигах.

Чжу Ба-цзе вытащил ее на поверхность озера, а затем из воды показался Сунь У-кун, который в обеих руках нес ларцы с драгоценностями. Обратившись к Эрлану, Сунь У-кун сказал:

— Весьма признателен, дорогой мой брат, за оказанную мне помощь! Лишь благодаря тебе нам удалось одолеть оборотней и вернуть сокровища пагоды.

— Да что ты! В этом нет никакой нашей заслуги, — скромно отвечал Эрлан. — Все произошло, во-первых, из-за того, что правитель государства Цзисай обладает счастьем, равным самому небу, а во-вторых, ты и твой брат обладаете огромной силой.

— Теперь, когда ты одержал победу, — сказали тут шесть братьев Эрлана, — позволь нам распрощаться с тобой.

Сунь У-кун был очень растроган и не переставал благодарить Эрлана и его братьев, уговаривая их отправиться вместе с ним к правителю царства Цзисай. Но они никак не соглашались. Эрлан во главе своего охотничьего отряда направился в свою обитель на горе Гуанькоу.

А Сунь У-кун с ларцами в руках вместе с Чжу Ба-цзе, который тащил за собой на привязи жену царя драконов, переходя с облаков на туманы, быстро добрались до государства Цзисай. Монахи из монастыря Золотое сияние ждали их возвращения за городскими воротами. Когда Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе остановили облако, на котором они примчались к городу, все монахи пали ниц и, отбивая земные поклоны, приветствовали их прибытие, а затем ввели в город.

Как раз в это время правитель государства Цзисай вел беседу с Танским монахом в тронном зале. Часть монахов, опередивших процессию, проникла во дворец, и один из них, набравшись храбрости, приблизился ко входу в тронный зал и доложил:

— Ваше величество! Желаем вам десять тысяч лет царствовать! Почтенные монахи Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе прибыли. Они привели с собой разбойников и несут похищенные сокровища.

Правитель государства при этих словах поспешно спустился с трона и вместе с Танским монахом и Ша-сэном поспешил к выходу, чтобы встретить героев. Он выразил им бесконечную благодарность за огромную заслугу перед всем государством, а затем приказал устроить пиршество в честь праведных монахов и в знак признательности за совершенное благодеяние.

Танский монах, однако, остановил его:

— Пока не нужно никаких благодарственных возлияний. Пусть мои ученики отправятся в монастырь Золотое сияние и водворят возвращенные сокровища на прежнее место. Тогда только можно будет приступить к празднеству.

Затем он обратился к Сунь У-куну:

— Почему вы так долго отсутствовали? Вы ведь еще вчера отправились!

Сунь У-кун рассказал, как ему пришлось сражаться с зятем царя драконов, как он убил самого дракона, затем встретился с Эрланом, нанес поражение гидре, преобразился в нее и, наконец, как выманил сокровища у царевны—дочери царя драконов. Вы не можете себе представить, в какой неопишуемый восторг пришли от этого рассказа не только Танский монах, но и правитель государства Цзисай со всеми своими гражданскими и военными сановниками старших и младших рангов.

Затем правитель государства спросил:

— А скажите, умеет ли супруга царя драконов говорить человеческим голосом?

— Еще бы! — воскликнул Чжу Ба-цзе. — Как может она не уметь, если была женой самого царя драконов и народила ему столько сыновей?

— Раз она знает человеческий язык, то пусть расскажет нам поскорей про грабеж в пагоде все, что ей известно, от начала до конца.

— Я ничего не знаю о похищении пепла Будды, — промолвила пленница. — Все это дело рук моего покойного мужа и повелителя, царя драконов, и его зятя — Девятиголовой гидры. Им стало известно, что твоя пагода излучает дивное сияние оттого, что в ней хранится пепел Будды. Три года назад они напустили на нее кровавый дождь и, воспользовавшись им, ограбили пагоду...

— А как было украдено дивное растение Линчжи? — спросил правитель.

— Моя дочь, по прозванию Всемудрая царевна, проникла в высшее небо и украла это растение у входа во дворец Чудотворного неба, где пребывает небесная царица, мать небесного царя. Благодаря этому дивному растению пепел Будды остается неизменным на протяжении тысячелетий, а сияние от него будет излучаться десятки тысяч лет. Можно даже закопать это сокровище в землю, но стоит после этого только обмести его дивным растением, как от него появится сияние, состоящее из десятков тысяч лучей, подобных утренней или вечерней заре. Сейчас эти сокровища отобраны вами, я лишилась мужа и сына, зять исчез бесследно, дочь погибла, так пощадите хоть меня, старуху.

— Вот тебя-то и не следует щадить! — вскричал Чжу Ба-цзе.

Но Сунь У-кун вступился за нее:

— Не бывает так, чтобы вся семья состояла из одних преступников, — сказал он твердым голосом. — Я, так и быть, пощажу тебя, но при условии, что ты будешь вечно находиться при пагоде и охранять ее.

— Плохая жизнь лучше хорошей смерти, — отвечала жена царя драконов, — и если ты не убьешь меня, я выполню все, что ты пожелаешь.

Вместо ответа Сунь У-кун велел принести железную проволоку, продел ее через ключицу жены царя драконов, а затем приказал Ша-сэну:

— Приглашай правителя государства пожаловать в пагоду и посмотреть, как мы водворим там пепел Будды.

Правителю государства был подан царский выезд, и он, держа за руку Танского монаха, сопровождаемый пышной свитой гражданских и военных чинов, покинул дворец.

Пепел Будды был водворен на тринадцатом ярусе пагоды в драгоценной вазе. К центральному столбу этого яруса привязали жену царя драконов. Затем Сунь У-кун прочитал заклинания и вызвал духа земли государства Цзисай, духа — защитника города и духов — хранителей монастыря, которым поручил каждые три дня доставлять сюда еду и питье для вдовы царя драконов. При этом он пригрозил, что, если кто-либо ослушается или допустит малейшую оплошность, будет тотчас обезглавлен. Все духи изъявили полное послушание. Потом Сунь У-кун обмел дивным растением Линчжи все тринадцать ярусов пагоды, а затем поместил его в вазу с сокровищем Будды. Наконец пагода стала такой, как и прежде, и над ней воссиял яркий свет из десятка тысяч лучей и вознеслись в небо тысячи эфирных струй. Вновь увидели ее лучезарное сияние жители дальних стран и соседних государств.

Когда Сунь У-кун вышел из пагоды, правитель государства выразил ему свою благодарность в следующих словах:

— Если бы ваш наставник и три его ученика не явились сюда, нам никогда не удалось бы раскрыть тайну всего случившегося.

— Ваше величество! — обратился Сунь У-кун к правителю царства Цзисай. — Название пагоды Золотое сияние не совсем удачное. Предметы, которые входят в это название, представляют собой вещества недолговечные: золото — вещество плавкое, а сияние — это светящийся эфир. Я постарался ради тебя восстановить благолепие этой пагоды и предлагаю переименовать этот монастырь в монастырь Ниспроверяющий драконов, чтобы он существовал во веки веков.

Правитель тотчас приказал заменить вывеску над воротами монастыря, и вскоре появилась новая, на которой блестели иероглифы, означающие: «Учрежденный по указу государя монастырь Охраняющий государство и ниспровергающий драконов». Пока происходило пиршество, художники нарисовали портреты с монахов в красках. Монахи получились как живые, а в тереме Пяти фениксов к этим портретам написали пышные прозвания. Правителю государства подали выезд с колокольцами, и он лично проводил Танского монаха и его спутников в дальнейший путь. Он хотел одарить их слитками золота и драгоценными яшмами, но наши путники наотрез отказались принять дары.

Конец пришел тем оборотням злобным,

Покой и мир водворены опять,

Сияет пагода, и светом бесподобным

Навеки будет землю озарять.

О том, что произошло в дальнейшем с нашими путниками, вы узнаете, читатель, из следующей главы.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/288187>